

Точка бифуркации:

Размышления над новой книгой доктора социологических наук С.А. Шавеля «Общественная миссия социологии» (Мн.: Бел. наука, 2010. 404 с.)

Именно так – точкой бифуркации, выводящей современную социологию на новые новаторские горизонты развития, можно обозначить факт выхода в свет книги С.А. Шавеля «Общественная миссия социологии». Выход в свет этого издания воспринимается не иначе как качественный рубеж в той количественной представительности социологической литературы, которой изобилуют наши книжные полки. И нет ничего удивительного в том, что именно С.А. Шавель с его в высшей степени образованностью и эрудицией, богатым жизненным опытом, самостоятельностью мышления и очевидной идейной одержимостью способен помочь преодолеть этот бифуркационный порог, выводя нас в новое инновационное поле социологического познания.

Писать рецензию на труд С.А. Шавеля – дело не простое. Это как добровольное вхождение в зону повышенного риска, и без того сопутствующего нам в нашей проблемной повседневности.

С одной стороны, выход книги С.А. Шавеля – явление в современной отечественной социологии. Явление неординарное своей бесспорной значительностью и потому обязывающее к адекватной оценке. Уже после прочтения первых десяти страниц работы понимаешь, что конкурировать с автором в широте и глубине осмысления проблемного поля современной социологии, оригинальности авторского подхода возможно только при условии соответствия масштабам его личности.

С другой стороны, бесперспективной представляется и попытка логического следования за структурой работы с акцентировкой внимания на наиболее инновационных подходах и решениях. Содержание работы настолько многоаспектно представлено эффектом приращения социологического знания, что ограниченный объем рецензии не позволит их даже просто перечислить. В своих системного характера критических рефлексиях С.А. Шавель, желая того или нет, инвестирует собственный интеллектуальный капитал во все без исключения тематические блоки рассуждений.

Существует и еще один алгоритм решения проблемы, вписывающийся в формат веберовского методологического принципа «отнесения к ценности и свободы от оценок». Памятуя о запрете включения в познавательный процесс «личностных оценочных суждений», все же рискну пойти именно по этому пути. Тем более что в наше непростое, в том числе и для гуманитаристики, время далеко не каждый способен честно оценить работу коллеги. Чувствуя в этом нравственном смысле определенную уверенность в себе, хочу донести до читателя свое личное мнение по обозначенному поводу.

Безусловно, оригинальным подходом отмечена в трактовке С.А. Шавеля проблема предмета социологической науки. Нельзя не согласиться с автором в том, что попытки обоснования предметного поля социологии, ставящие своей целью дифференциацию гуманитарных дисциплин, строятся традиционно в направлении перечня структурных компонентов социума (например, у В.А. Ядова) с точки зрения его статичности (социальные общности, институты и т. п.) и динамики (социальные отношения, взаимодействия, социальное развитие и т. д.). Конструируя таким образом свое предметное поле и маркируя «зоны влияния» социологии, исследователь рискует ограничить реальный спектр научного интереса (вес незадействованных в перечне структурных элементов социальной системы всегда остается значительным) и тем самым снизить потенциал ее (социологии) объяснительных механизмов и схем, а вместе с тем и практического значения. В этом смысле смещение акцентов в область функциональной направленности социологии представляется вполне логичным и оправданным.

Обоснование предметной специфики социологии через ее функционально-инструментальную ценность обеспечения жизнеспособности общества, его стабилизации и сохранения социального порядка позволяет значительно расширить границы предметного поля социологии, включив сюда все системные параметры социума, способствующие его жизнестойкости в конкретных условиях.

Заявка на столь масштабную историческую миссию социологии выстрадана С.А. Шавелем – теоретиком (от Бога!) и практиком (от жизни!). В книге приводятся масса примеров из области нашей проблемной реальности, где каждый очередной кризисный период заканчивался полным разрушением «до основания». Поэтому утверждение так недостающей нам всем сегодня культуры социологического мышления связывается автором со «своевременным выявлением латентных отклонений, разработкой способов упреждающего восстановления системного равновесия» и далее – утилизацией отживших (несовершенных) форм путем их грамотного «обновления». Такое предельно конкретное целеполагание, которое призвана реализовывать в системном режиме социологическая наука, все еще остается идеалистически прогнозным для нашего общества, несмотря на пережитую очередную социальную революцию, инициированную советской управленческой элитой и ею же загнанную в «тупик» стратегией спонтанных проб и ошибок. На этом фоне проблемы социологического образования, которые автор анализирует с точки зрения современного положения дел в отечественной образовательной системе (с ее традиционным сокращением учебных программ (часов) по социологии), выглядят драматически бесперспективными. Нельзя не согласиться с автором в том, что решающий (в силу своего служебного статуса) управленческие задачи математик (даже при условии его отличных успехов в высшей школе) вряд ли будет благодарен Министерству образования за «недобор» часов по социологии. Во всяком случае, если этот управленец заинтересован в грамотном подходе к своему делу.

Можно с уверенностью констатировать неоспоримость того факта, что автору первому в отечественном поле социологического познания удалось преодолеть порог отчужденности между его структурными уровнями, органично соединив фундаментальные теоретические научные изыскания с теорией среднего уровня, логически преломляя их на уровень конкретно-прикладного значения. Культура социологического мышления, объективированная достаточно выразительно и эквивалентно на всех трех (мега-, макро- и микро-) уровнях, обеспечила системную репрезентированность авторского подхода и параллельно – интерес к нему со стороны читательской аудитории. При этом важно понять, что читатель не найдет в книге выраженной представительности актуальной социологической проблематики с традиционной точки зрения масштабности объектного исследовательского интереса (испытывая при этом чувство искреннего сожаления по поводу отсутствующих авторских

рефлексий, например, в области политической социологии). И тем не менее подход автора характеризуется безусловной целостностью в заданной им же функциональной направленности социологии как теоретической модели мотивационно-стимулирующего механизма, обеспечивающего просоциальную активность действий людей в режиме стабилизации социального порядка и реализации целей общества.

Чем более углубляешься в содержание монографии, тем явственнее встает вопрос, возникающий в привычных формах логической дихотомии: теоретик автор или практик? Надо откровенно признать, что пример творчества С.А. Шавеля – это тот редчайший случай, который наглядно иллюстрирует равнозначную их (теории и практики) инвестированность в проблемное исследовательское поле современной социогуманитаристики.

Даже сознательно ограничивая себя рамками методологии науки и анализируя методологические императивы социологического познания (вторая глава), С.А. Шавель отходит от штампов амбициозной недостижимости абстрактных теоретизирований (так характерных для наших отечественных философов!) и перекидывает мост от теоретической к практической социологии. И речь идет даже не о факте включения в данную главу концепции построения республиканской репрезентативной выборки, что само по себе практически значимо (в первую очередь!) для любого исследовательского опыта. Принципиальными являются рассуждения автора относительно методологической представленности эмпирических социологических исследований, не ограниченной совокупностью практикуемых исследовательских методов, как это традиционно принято, но акцентированной на проблематизации объекта исследования, конструировании его предмета, эмпирической интерпретации и операционализации основных понятий и целого ряда других, емких с точки зрения методологической нагруженности аспектов, имманентно свойственных процессу программирования любой исследовательской практики и определяющих ее эффективность. Не говоря уже о таком фундаментальном по методологической сути для всей социогуманитарной науки, в том числе и для практической социологии, принципе, как «отнесение к ценности и свободы от оценок». Процедурная сторона вопроса, прописанная С.А. Шавелем по шагам, начиная с предпроектной стадии и завершая обработкой данных и их интерпретацией, как нельзя лучше убеждает в основательности подхода автора, сумевшего наглядно продемонстрировать процессуальную вариативность включения общих методологических принципов в контекст практи-

ческой социологии и тем разрушить извечное отчуждение теоретической и практической социологий, гармонично вписав их в общий методологический континуум.

С.А. Шавель обладает несомненным даром талантливого полемиста. Дискуссию он ведет с неподдельной искренностью, профессиональным мастерством и интеллигентностью. Утверждая свое индивидуальное прочтение очень многих, казалось бы, неоспоримых истин и постулатов, автор далек от мысли низвержения всех и всяческих авторитетов. Напротив, качества полемиста – органичное следствие аутентичности его личности. Порой создается впечатление, что являешься невольным свидетелем развивающейся на твоих глазах дискуссии между авторитетами, собравшимися за одной шахматной доской. Чего стоит в этой связи диалог с П. Бурдьё по поводу субстанциональности общественного мнения. Когда по поводу аргументов мэтра французской социологии С.А. Шавель парирует: «А мы взяли и посчитали!» И ведь, действительно, посчитал и доказал практически несостоятельность аргументации самого П. Бурдьё!

Опираясь на богатейшую историко-социологическую ретроспекцию классической и современной социологии, своей в высшей степени неформальной органичной включенностью в содержание произведений развивая научный дискурс с обозначенными авторитетами, автор невольно стимулирует у читателя беспредельное уважение и интерес к их творческому наследию, желание вновь перечитать уже прочитанные и, казалось бы, давно усвоенные истины. Замечу, уважение, отнюдь не лицемерное и не конъюнктурное. В кни-

ге вы не найдете привычное духу времени отчуждение от марксизма. Напротив, выраженное уважение к классикам социологии со стороны самого автора монографии определяет и уровень его исследовательского авторитета, исключающего лукавство, лицемерие, притягивание «за уши», позерство и многое другое, чего действительно нет в характере Сергея Александровича. Зато есть главное – стремление разобраться в заданном проблемном поле и поделиться этим с кругом заинтересованных читателей.

На презентации книги С.А. Шавеля на кафедре социологии БГУ один авторитетный в кругах социологической общественности ученый задал вопрос: «Вы лично, как себя позиционируете – как позитивиста или феноменолога?» Для тех, кто хорошо знаком с С.А. Шавелем, вопрос показался неуместным. И не потому, что содержание работы красноречиво свидетельствует о том, что ее автор не отвергает факта полипарадигмальности современной социологии, анализируя сильные и слабые стороны каждого из подходов. А потому, что С.А. Шавель никогда сознательно себя не позиционировал в принципе. Это свойство его натуры! Зато за него, к счастью, это делают его работы.

И последнее. Надо честно признать, что выход в свет монографии С.А. Шавеля опять дело счастливого случая. Замечательно, что в нашей научной среде есть люди, нравственная позиция которых не позволяет умолчать о главном – о том, что школа белорусской социологии состоялась! И представлена она в первую очередь трудами Сергея Александровича Шавеля.

Ж.М. Грищенко,

кандидат философских наук, доцент